
ИЗМЕРЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-2/7-32

Научная статья

© В. А. Тишков

СУДЬБА ПРОГНОЗОВ НА ОСНОВЕ КОНЦЕПТА ЭТНОРАСОВЫХ ГРУПП

В статье дается оценка книги В. И. Козлова об иммиграции и этнорасовых проблемах в Британии (1987) и анализируется сделанный им на период 1980-х годов прогноз развития ситуации. Автор сопоставляет перспективный сценарий 35-летней давности с современными реалиями и отмечает, что миграция и политика мультикультурализма привели к радикальным переменам в национальной и этнической идентификациях жителей страны. На примере Англии и Уэльса по итогам переписи 2011 и 2021 гг. анализируются сложные идентичности и перемены в пользу общебританской идентификации, особенно т. н. цветного населения страны, доля которого и роль в жизни Великобритании заметно выросли, вызывая реакцию английского национализма, но не отрицая вариант национального единения на основе культурно сложной британской идентичности. Высказаны идеи относительно изучения феномена культурного разнообразия и обновленного понимания этничности.

Ключевые слова: Великобритания, Англия и Уэльс, переписи населения, категоризация населения, этнорасовые группы, британскость и английскость, теория этноса, национальная и этническая идентичность, иммиграция, В. И. Козлов

Ссылка при цитировании: Тишков В. А. Судьба прогнозов на основе концепта этнорасовых групп // Вестник антропологии. 2024. № 2. С. 7–32.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-2/7-32

Original article

© Valery Tishkov

THE FATE OF FORECASTS BASED ON THE CONCEPT OF ETHNORACIAL GROUPS

The paper reviews V. I. Kozlov's book on immigration and ethnic-racial problems in Great Britain (1987) and evaluates his forecast going back to the 1980s on the future evolution of the migration situation. The author compares the 35 years ago scenario

Тишков Валерий Александрович — академик РАН, д. и. н., профессор, научный руководитель, Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр. 32а). Эл. почта: valerytishkov@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5479-9039>

* Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-328).

with the nowadays realities and concludes that mass migration and the policy of multiculturalism have caused radical changes in the national and ethnic identities of the British population. On a basis of England and Wales 2011 and 2021 censuses he analyses multiply identities and changes in favor of Britishness identity versus Englishness, especially among the country's non-white population, whose role in this country's life has grown greatly, causing a reaction of English nationalism, but not hindering the scenario of nation-building based on a culturally inclusive pan-British identity. The article includes elaborations on super-diversity debates and on how contemporary census practices destroy narrow understanding of ethnicity as culturally homogeneous groupings.

Keywords: Great Britain, England and Wales, population censuses, population categorization, ethnoracial groups, Britishness and Englishness, theory of ethnicity, national and ethnic identity, immigration, V. I. Kozlov

Author info: Tishkov, Valery A. — Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, Scientific Supervisor, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: valerytishkov@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5479-9039>

For citation: Tishkov, V. A. 2024. The Fate of Forecasts Based on the Concept of Ethnoracial Groups. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 7–32.

Funding: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-328).

Введение

В 1987 г. в издательстве «Наука» под грифом Института этнографии АН СССР вышла монография В. И. Козлова «Иммиграция и этнорасовые проблемы в Британии», которая была подготовлена автором по результатам его научной командировки в Великобританию в 1983 г. и изучения источников и литературы по данной теме, которыми он смог воспользоваться во время поездки и после нее. В. И. Козлов описал историю иммиграции в Британию и основные этнорасовые группы т. н. «цветных» иммигрантов, общая численность которых на начало 1980-х гг. составляла около 2,5 млн человек. Это были главным образом выходцы из Индостана (свыше 1 млн человек), негры и мулаты из Карибского региона, большей частью с Ямайки (свыше 700 тыс. человек), а также выходцы из стран Африки. Всего эта часть населения составляла на тот момент 6% жителей страны. Основная территория расселения иммигрантов — это Англия, особенно юго-восточные районы, включая большой Лондон. В. И. Козлов рассмотрел расселение, социально-экономическое положение, правовой статус и особенности адаптации, а также общественную активность этой части населения. Но основное внимание автора было сосредоточено на анализе проблем дискриминации, неравноправного положения на рынке труда, доступа к образованию и социальным льготам, а также проявлениям недовольства и иммигрантским выступлениям в ряде городов Великобритании.

Безусловно, это было добротное исследование, существенно дополняющее наши знания об этнических и миграционных проблемах в этой стране. Автор изложил методику фиксации иммигрантской части населения в системе статистического учета и в этносоциологических разработках, которые использовались в Великобритании, упрек-

нув британцев в недостаточной компетентности в части теории этноса и в том, как они трактуют расовые и этнокультурные различия между иммигрантами. В. И. Козлов взял за основу своего подхода концепт «этнорасовой группы», хотя вся использованная им статистика и опубликованные таблицы с данными были сгруппированы по странам — регионам происхождения иммигрантов, как это было принято в Великобритании. В принципе такой подход к делению населения страны на группы, на наш взгляд, возможен, хотя, строго говоря, среди прибывших иммигрантов из Индии и Пакистана могло быть существенное число англичан или людей метисного происхождения. Такая же вероятность существует и среди выходцев из Карибского региона.

Немаловажным моментом при оценке книги В. И. Козлова является отсутствие в ней полевого материала: все свое достаточно длительное пребывание в стране ученый использовал для кабинетно-библиотечной работы, а также для получения материалов из разных ведомств и научных центров. Только в заключении книги под названием «Пестрый Альбион» автор привел пару примеров из своей жизни в Великобритании, которые как бы подтверждали ее основное содержание и выводы. Надо сказать, что схожий вариант поведения советских этнографов и историков в зарубежных командировках тех лет был вполне объясним по причине скудного доступа к научной литературе и документальным источникам о зарубежных странах в самом СССР. Часто приходилось в ограниченных условиях пребывания за рубежом выбирать между освоением доступных источников и литературы и возможными беседами с информантами и полевыми наблюдениями.

Однако обратимся к цели нашей статьи: какова была оценка ученым ситуации и ее возможного развития, и как этот прогноз соотносится с тем, что произошло после 1980-х годов на протяжении последующих 40–50 лет. Вот какой заключительный вывод содержится в книге В. И. Козлова:

«Социальные прогнозы, даже самые обоснованные, подтверждаются досадно редко, но в данном случае можно предполагать, что в ближайшее десятилетие положение этнорасовых меньшинств в Британии изменится мало. За счет естественной убыли иммигрантов первого поколения и детей, рожденных в самой Британии, подавляющее большинство «цветных» станут официально полноправными британскими гражданами, так что расистские идеи о выселении их, очевидно, потеряют и без того зыбкое основание. Однако, став законными британцами, эти люди еще не превратятся в англичан, а останутся, как правило, членами этнорасовых общин, причем численность таких групп из-за естественного прироста, превышающего потери от ассимиляционных процессов, будет продолжать возрастать. Развитию ассимиляционных процессов мешает прежде всего сохраняющаяся культурно-бытовая специфика иммигрантских групп, тесно связанная у выходцев из стран Азии и Восточной Африки с их религиозными отличиями и потому особенно стойкая». Но, как пишет В. И. Козлов, подобные размышления о ходе ассимиляционных процессов относятся к далекому будущему. «Ближайшее же время, как мне представляется на основе проделанного анализа, видимо, принесет дальнейшую обособленность основных этнорасовых групп не только в культурно-бытовой, но отчасти и в общественно-политической (профсоюзной и партийной) сферах жизни, что само по себе чревато стихийными этнорасовыми конфликтами» (Козлов 1987: 194–196).

Ясно, что, когда сегодня в Великобритании мэр Лондона — пакистанец, а премьер-министр — индус по своему происхождению, данное прогностическое заключение приглашает для разговора.

Расхождения в исходных понятиях и подходах

С конца 1980-х гг. в Соединенном Королевстве и в мире в целом изменилось многое и самое главное — в этой стране наука и общественно-политическая практика в последние два десятилетия при сохранении понятия «этническая группа» (фактически — этнорасовая группа), выстраивались не на групповом принципе, а на принципе идентификации граждан вокруг понятий об основных общностях, т. н. внутренних нациях (*home nations*), а для иммигрантов по стране происхождения и самое главное — вокруг дихотомии двух основных категорий: британскость и английскость (*Britishness versus Englishness*).

Для В. И. Козлова такого этноса, а значит и групповой самоидентификации как *британскость*, в принципе не существовало. Термин *нация* им также не использовался ни применительно к британскому народу, ни применительно к основным автохтонным общностям. Были граждане Великобритании — население страны (не нация и не этнос, согласно его собственной теории), в составе которых были этносы: англичане, шотландцы, уэльсцы, ольстерцы (северно-ирландцы). Напомню, что этносом В. И. Козлов называл «общность людей, возникшую естественно-историческим путем и занимающую до сих пор видное место среди других общностей людей, с которыми она так или иначе взаимодействует». «Теория этноса увязывается мною, — пишет В. И. Козлов, — с теорией нации, как наиболее развитого и наиболее значимого для современного вида («исторического типа») этноса» (Козлов 1999: 21–22). Что касается иммигрантского населения Соединенного Королевства, то в отношении его автором использовался термин *этнорасовая группа*: это были некие «сколки с этносов», занесенные на чуждую территорию с перспективой совершить переход в «тело» другого этноса. Не зря их в советской этнографической литературе называли *переходными группами* (см.: Берзина 1971).

В целом национальный состав населения Великобритании советская этнография описывала так: «Великобритания — многонациональная страна. Народы ее делятся на две группы — коренные жители (англичане, шотландцы, англо- и шотландо-ирландцы, уэльсцы, гэлы, нормандцы; условно к ним можно отнести и ирландцев, часть которых является коренным населением Северной Ирландии), образующие 94,8% всего населения, и пришлые — 5,2%. В числе пришлых особо выделяются так называемые цветные, в состав которых включают основную массу выходцев из британских владений и государств Содружества (за исключением переселенцев из Канады, Австралии, Новой Зеландии, Кипра, Мальты и белых из других стран). Общее число «цветных» в Великобритании — более 1,7 млн человек» (Брук 1981: 275).

Путь для членов «цветных» этнорасовых групп, по мнению В. И. Козлова, лежал в ассимиляции (по его словам, «превращении в англичан»), но результат этого процесса он относит к далекому будущему. Кстати, превращение «цветных» в уэльсцев, шотландцев или в северно-ирландцев (ольстерцев) автором не предполагалось, что было в ситуации тогдашнего доминирования английскости (более 90% иммигрантов прибывали и проживали на территории Англии) резонной позицией, хотя и не совершенной. Как мы покажем ниже, многие «цветные» становились в последние десятилетия носителями не только общебританской и английской идентичностей, но в том числе уэльской, шотландской, североирландской и уж, конечно, могли обладать множественной, сложной идентичностью. Последнюю В. И. Козлов никак не рассматривает и даже не упоминает, ибо теория этноса не допускала пребывание

«этнофора» сразу в нескольких коллективных телах. И вот это последнее обстоятельство оказалось наиболее уязвимой частью выполненного автором исследования относительно возможного развития ситуации в этой стране.

Важной новацией стало появление в практике государственного управления методов сбора статистических данных в ходе переписей населения, которые в более ранних переписях (В. И. Козлов использовал данные переписей 1951, 1961, 1971, 1981 гг.) отсутствовали вообще. Все построенные в его книге (как и в справочнике С. И. Брука) таблицы об этническом составе населения на самом деле были основаны на данных о странах, откуда новые жители прибывали. Соединенное Королевство ведет подсчет населения по этнической принадлежности только начиная с переписи 1991 г. Хотя интерес к подсчету этнических/расовых групп появился еще после Второй мировой войны с началом масштабной иммиграции в Соединенное Королевство. Страна планировала ввести статистический учет людей по этнической принадлежности в переписи 1981 г., но отменила решение после того, как в ходе контрольной переписи 1979 г. на этот вопрос многие жители вообще не ответили. Представители иммигрантских меньшинств отказались сообщать о своей идентичности из-за страха депортации, а основная часть населения вообще плохо понимала суть вопроса. С 1991 г. практика фиксации этничности (этническая группа или этническое происхождение — *ethnic group, ethnic background*) утвердилась, подвергаясь корректировке от переписи к переписи. Со временем население страны привыкло отвечать на данный вопрос, хотя он становился все более сложным, позволяющим самые невероятные варианты ответов.

В нашей статье мы рассмотрим данные двух последних переписей населения 2011 и 2021 гг. и динамику перемен. Переписи в Великобритании проводятся с 1801 г., и страна обладает огромным опытом статистического учета, не говоря уже о научной традиции изучения данных проблем. Перепись охватывает «постоянных жителей»: тех, кто к моменту переписи прожил 12 месяцев или намерен прожить здесь не менее 12 месяцев. Участие в переписи фактически обязательное, ибо за отказ или намеренно ложные ответы можно получить штраф в 1 тысячу фунтов. В 2021 г. переписью было охвачено 97% постоянных жителей Англии и Уэльса. Из них 89% ответов были получены онлайн. Это, конечно, очень впечатляющий результат, особенно в сравнении с последней российской переписью с мало удачным опытом использования интернет-портала на госуслугах.

Еще одна радикальная и по смыслу сомнительная новация категоризации населения — в опросный лист с переписи 2011 г. впервые был введен пункт о «национальной идентичности», и в ответе на него разрешалось сделать выбор в пользу смешанной идентичности. Ученые и организаторы пошли на это, принимая во внимание то обстоятельство, что в современной Великобритании респондент часто не может однозначно себя идентифицировать в этнических категориях. При этом применительно к самой Великобритании под «национальной идентичностью» понимается не только британская — гражданская идентичность, а также и принадлежность к одной из «внутренних наций»: Шотландии, Северной Ирландии, Англии или Уэльсу (Мамедова 2016: 80–83). *Национальная идентичность для организаторов переписи — это выбор по самосознанию своей идентификации со страной или странами, к которым переписываемый ощущает принадлежность или воспринимают ее как свой дом, и эта идентичность не зависит от этнической группы или гражданства.*

Вот как выглядят интересующие нас два вопроса переписи населения в варианте для Англии и Уэльса:

14 вопрос: *Как Вы определяете Вашу национальную идентичность?* В зоне ответа названы на выбор: *британская, английская, уэльская, шотландская, северно-ирландская, другая* (одна пустая строка в зоне ответа).

15 вопрос: *Какая Ваша этническая группа?* Вопросы организованы в двухступенчатой форме. Сначала дается ответ на выбор одной из пяти больших, фактически расовых, категорий: 1. *Азиат, азиат/британец, азиат/уэльсец*; 2. *Черный, черный/британец, черный/уэльсец, карибец или африканец*; 3. *Смешанная или множественная*; 4. *Белый*; 5. *Другая этническая группа*. Затем опрашиваемый определяет среди этих пяти категорий первого уровня один из 19 возможных ответов-подсказок, которые включают также возможность вписать свою другую идентификацию в пустые строки зоны ответа. Вот эти 19 подсказок перечня *этнических групп*:

Азиат или азиатский британец: *индийское; пакистанское; бангладешское; китайское; любое другое азиатское* происхождение (одна пустая строка).

Черный, черный британец, карибец или африканец: *карибец; африканец; любой другой черный; черный британец или карибец* (одна пустая строка).

Смешанная или множественная этническая группа: *белый и черный карибец; белый и черный африканец; белый и азиат; другое смешанное или множественное происхождение* (в зоне ответа две пустые строки).

Белый: *англичанин; шотландец; североирландец или британец; ирландец; цыган или ирландский кочевник (irish traveller); рома; любое другое белое происхождение* (записать лично и есть две пустые строки).

Другая этническая группа: *арабское происхождение или любая другая этническая группа* (одна пустая строка).

Для российского читателя и даже для специалиста, обученного в традиционном ключе восприятия «народов» и «многонационального народа», такой классификационный подход к национальному и этническому приводит в замешательство. Тем более мучительным заданием становится изложение и интерпретация данной материи с помощью отечественного арсенала этнологической терминологии. По крайней мере, после книги В. И. Козлова мне не встречались в нашей литературе качественные разборы этнонациональной ситуации в Соединенном Королевстве, кроме работ Д. В. Караваевой и Л. К. Мамедовой (*Караваева 2016; Мамедова 2016*). Надо признаться, что в своей недавней статье о деконструкции переписей населения (*Тишков 2023*) в разделе о случае с Англией и Уэльсом я не до конца разобрался с различием результатов по двум разным вопросам переписи. Так что сегодня стоит задача сделать такой разбор, условно говоря, этнорасового облика британского народа (*British people*), в составе которого по итогам последней переписи насчиталось 287 разных этнорасовых категорий (или групп). В статье главным образом речь будет идти о населении Англии и Уэльса, хотя данные по Шотландии и Северной Ирландии также доступны. Последняя перепись в Англии и Уэльсе и в Северной Ирландии прошла в марте 2021 г. В Шотландии из-за эпидемии ковида перепись была перенесена на март 2022 г., и ее результаты были опубликованы отдельно.

Идентификационные качели

Еще в 1970–1980-е гг. в общественном и научном дискурсе Великобритании начались дебаты о национальной идентичности, поиски нового образа гражданской

нации и выяснение отношения бывшей «титulyной нации» англичан и других «внутренних» наций страны к общебританскому национальному проекту. Вот как характеризует эту ситуацию для более позднего периода М. А. Липкин:

«Начиная с 1990 г. во многих культурных исследованиях на Британских островах произошел всплеск интереса к изучению британской культуры с акцентом на изучение исторической эволюции термина *британский* (*British*) и его идеологический подтекст. В общественно-политической лексике страны вместо термина *инглишнес* (*Englishness*) в последнее время все чаще вводится понятие *бритишнес* (*Britishness*)... Очевидно, что в условиях роста сепаратистских тенденций не только в Северной Ирландии, но также в Шотландии и Уэльсе употребление понятия *Англия* и *англичане* стало сужать географические рамки страны до нескольких десятков графств в центральной и юго-восточной части острова Великобритания. Между тем, подобно возрождению термина *россияне* в современной России (граждане многонациональной страны, не обязательно русские), употребление терминов *Британия* и *британцы* (по крайней мере в политической риторике) означало обращение к Соединенному Королевству Великобритании и Северной Ирландии в целом и ко всем его гражданам, независимо от их этнической принадлежности... На официальном уровне в последнее десятилетие слова *Англия*, *английский* заменяются на *Британия* и *британский*, а употребление старых терминов считается дурным тоном» (Липкин 2007: 122–123).

Эти слова историка относятся к 2007 г., но последние полтора десятка лет добавили драматизма и усложнили ситуацию, которую можно назвать идентификационными качелями (в отличие от описанного мною ранее дрейфа идентичности, см.: Тишков 2003: 120–123).

Известно, что Великобритания делится на регионы с собственной давней историей и явными культурными различиями. За последние десятилетия в стране очень выросло население иммигрантского происхождения, т. е. это — британцы или их родители, которые родились за пределами Великобритании. Как и во многих государствах мира, включая Россию, регионально-этническая идентичность здесь конкурирует со страновой, общегражданской идентичностью. Причем не только среди исторических меньшинств и групп иммигрантского происхождения, но и среди «ядерного» большинства, т. е. среди собственно англичан. *Английскость издавна, а в последние годы особенно, больше всего конкурирует с британскостью, ибо культурно-историческая дистанция здесь незначительна, и оба понятия воспринимаются и используются часто как синонимы.*

Нет сомнений, что *британскость* как форма идентичности как бы заново появилась в самом конце XX в., но специалисты, включая таких известных авторов, как Линда Коллей и Кришан Кумар, проследили корни британского самосознания с XVIII в. и даже раньше (Colley 1992). С момента возникновения государства «Королевство Великобритания» в 1707 г. начинается формирование страновой британской идентичности, которая изначально носила сложный характер, включая в себя шотландскую, английскую и уэльскую идентичности. С эпохи Наполеоновских войн и с ростом морского могущества империи понятие британскости обретает более значимый характер, связанный с англиканской церковью и политической традицией парламентской монархии. Именно Британская империя породила и сделала сердцевинной идею британскости, которую принимали как англичане, так и шотландцы, участвовавшие в импер-

ской экспансии и пользовавшиеся дивидендами колониальной державы. Для англичан британскость представлялась всего лишь синонимом английскости, ибо английская политическая история, право, язык и культура лежали в основе имперского контекста.

С эпохи королевы Виктории имперскость стала ключевым компонентом британской национальной идентичности. Британская корона с ее ритуалами и символами вошла в репертуар национальной идентичности, проповедуя могущество нации, уникальность ее достижений и культуры. Национальной традицией стали празднования Дня Империи, юбилеев королевы Виктории, а также всего, что было связано с Британским парламентом — старейшим в мире представительным учреждением. Децентралистские тенденции существовали всегда со стороны основных четырех частей Соединенного Королевства, но только с 1970-х гг. начинается процесс *деволюции* — создания отдельных правительств для Северной Ирландии, Шотландии и Уэльса. Затем последовали конфликты с подпольем и террористическими актами в Ольстере, референдумы в Шотландии, национализм в Уэльсе, что поколебало британскость и вынудило искать для нее новые обоснования.

Сегодняшние британцы, или «народ Британии», — это полиэтничное, многоконфессиональное общество с региональными различиями. Состав этого общества изменился после распада Британской империи и иммиграции в страну миллионов бывших подданных и их потомков, которые составляют значительную часть нынешних 70 миллионов жителей страны. Причудливость современных идентификационных диспозиций в стране отражается в том, что в собственно Англии до самого последнего времени большинство автохтонных «белых» жителей воспринимало себя прежде всего, как англичане и уже потом как британцы, а большинство людей из этнических меньшинств воспринимают себя британцами и никак не англичанами, ибо последнее ассоциируется с «белыми». Наоборот, в Шотландии и Уэльсе как «белые» британцы, так и этнические меньшинства больше ассоциируют себя с Шотландией и Уэльсом соответственно, чем с Британией. В Шотландии и Уэльсе британскость воспринимается как форма культурного империализма, которую правящие элиты Англии навязывают населению страны.

Отметим, что в Великобритании иное понимание и отношение к этничности и к использованию категории «нация» и «национальное». Здесь встречается понятие «этническая группа» применительно к меньшинствам иностранного происхождения. *Как и в России, этничность и национальность зачастую используются синонимично, но вмещают в себя страновую принадлежность и расовые характеристики.* В последние три десятилетия произошли изменения в научном осмыслении темы идентичности и в категоризации населения на ее основе, а также в процедуре статистического учета и презентации этнокультурного и расового состава населения. Главный поворот имел место в сторону признания множественной и не взаимоисключающей идентичности, которая характерна не только для Англии и Уэльса, но и для Шотландии и Северной Ирландии. Так, например, Шотландская социологическая служба еще в 1979 г. установила, что 95% жителей Шотландии считают себя «шотландцами» в разной степени значимости этой идентификации (первичная, вторичная или второстепенная по сравнению с другими) и 80% считают себя также и «британцами» в разной степени. Если же вопрос ставился как единичный выбор между шотландскостью и британскостью, то 57% идентифицировали себя только как шотландцы и 39% — только как британцы. С тех пор британскость среди жителей этой части страны пошла на убыль: в

2000 г. при единичном варианте выбора уже 80% назвали себя «только шотландцами» и 13% — «только британцами», но все равно 60% продолжали считать себя также и британцами в разных сочетаниях с другими идентичностями. Спустя полтора десятилетия, опрос 2014 г. показал, что при единичном выборе 58–62% назвали себя «прежде всего шотландцами», а 31–36% — «прежде всего британцами»¹.

Причиной снижения уровня британской идентичности в Шотландии было правление консерваторов во главе с М. Тэтчер и Д. Мэйджором, которые проводили непопулярную политику в отношении преимущественно лейбористской Шотландии. Но после учреждения собственного Шотландского парламента в 1999 г. и уже на референдуме 2014 г. по поводу независимости Шотландии общебританская лояльность все же не позволила осуществить сецессию. Брекзит снова поменял ситуацию в пользу отделения, и перспектива сецессии выглядит ныне вполне реальной. В таком случае *концепт шотландской нации, который существует издавна преимущественно как культурное понятие, может обрести гражданско-политический смысл, ибо возникнет новое суверенное государство-нация*. Нет ничего невероятного в данном исходе судьбы нынешней британской нации и появлении новой нации из отколовшейся от нее части. Это распространенный случай в истории, который не следует трактовать как якобы отсутствие существования британской нации как народа на основе общей истории и самосознания. Кстати, также ошибочно трактовать распад СССР как подтверждение якобы фэйкового существования советского народа как общности.

Большой интерес в сравнении с российским опытом представляет собой ситуация с сердцевинной культурой (core culture) Великобритании — а именно с феноменом *английскости*, т. е. с тем, кто такие англичане как общность и как форма самосознания. Здесь также наблюдаются причудливые качели с игрой идентичностей (В. И. Козлов и другие советские этнографы назвали бы это «этническими процессами»). При вопросе сделать единственный выбор в наборе идентичностей 43% жителей Англии в 2011 г. назвали себя британцами по сравнению с 65% в 1992 г. Этот спад был вызван разными обстоятельствами, среди которых реакция на сепаратизмы регионов Шотландии, Северной Ирландии и Уэльса, а также недовольство растущими численностью и влиянием британцев иммигрантского происхождения, размывающими культуру и традиции «старой, доброй Англии».

Самая большая оппозиция Европейскому союзу и евроскептицизм характерны именно для Англии и Уэльса, что и подтвердил референдум 2016 г. о членстве Великобритании в Европейском союзе. Позицию за выход из ЕС поддерживали прежде всего те, кто считал себя в большей степени англичанином, чем британцем. Эта *бифуркация в национальном самосознании назад от британскости к английскому национализму* происходила довольно быстро среди части населения страны. Еще в первой половине 2000-х гг. те, кто определял себя как англичане, были не большими евроскептиками, чем остальные. Их больше волновало положение «коренного населения» внутри страны.

Явный рост английского национализма в британской политике произошел с середины 2000-х гг. В ходе референдума и в процессе выхода из ЕС главным лозунгом правящих кругов уже был лозунг «вернуть страну», обращенный прежде всего к английскому избирателю. Английский национализм стал реакцией на деиндустриализацию страны, на наступление транснациональных связей и коммуникаций, раз-

¹ Здесь и далее данные соцопросов по: Park, Bryson, Clery, Curtice, Phillips 2013.

мывающих старый уклад жизни и классический английский патриотизм на основе имперского величия и святости короны. К этому добавилось недовольство жителей бедных районов Англии, озабоченность перед воздействием иммиграции и последователей исламской веры и традиции (Каравеева 2016). Так обозначился конфликт между поборниками гражданской, надэтнической британской идентичности и политиками, которые выступали против либеральной глобализации, за укрепление английской идентичности с ее исторической укорененностью.

Какая нация и какие меньшинства в Великобритании

Итак, фундаментальный вопрос для страны — это соотношение *британскости* и *английскости*. При этом под британскостью понимаются чувства принадлежности к общему государству, к доминирующей культуре и историко-культурному наследию, общим ценностям и символам. Что касается англичан и английскости, то речь идет в большей мере об этнокультурной идентичности англичан и в их среде о локальных группах, но также и об английской сердцевинной (референтной) культуре в рамках британской культуры. Эта проблема «английскость *versus* британскость» крайне динамична. Как много среди британцев считают себя также англичанами или как много англичан считают себя также британцами? Обе категории издавна и часто используются взаимозаменяемым образом. Точно так же, как русский и россиянин зачастую неразличимые понятия, особенно для внешнего мира. В этой словесной неопределенности косвенно отражается доминирующая позиция Англии и англичан в стране, и это также говорит о трудностях для английской идентичности смешивать или расширять ее до британскости. Англичане как бы отделяют себя от остальных жителей Британских островов. Опять же сходная ситуация с русскими в России в их неудобстве считать себя одновременно и россиянами. «Мы — русские, а остальные — это россияне», — заявлял В. В. Жириновский. Однако по данному вопросу есть мудрые размышления русского историка и философа Г. П. Федотова, писавшего еще сто лет тому назад, что наше национальное сознание должно быть достаточно сложным и гибким, а «для народов великоросской ветви это сознание должно быть одновременно великорусским, русским и российским», и задача каждого русского состоит в том, «чтобы расширить свое русское сознание (без ущерба для его «русскости») в сознание российское» (Федотов 1991: 181).

Напомним, с 2011 г. при проведении переписей населения Великобритании стали выяснять этничность постоянных жителей страны. Но делается это через закрытый список предполагаемых ответов, когда переписываемый должен отметить себя в перечне обобщенных расово-этнических конструкций. При такой трактовке этнические группы вообще невозможно выделить, а можно только разные варианты самосознания по предлагаемой закрытой шкале. Особые трудности с установлением этнической группы имеются в отношении цветного и смешанного населения. Подавляющее большинство иммигрантов проживают на территории Англии и Уэльса, прежде всего это Лондон и другие города Юго-Востока страны. В 2001 г. численность меньшинств в Англии и Уэльсе увеличилась до 8 млн (14%) по сравнению с 3 млн (7%) в 1991 г. и 2,5 млн (для всей страны) на момент изысканий В. И. Козлова. Самой быстро растущей категорией ныне являются выходцы из африканского региона (1 млн). Прирост индийцев в 2011 г. по сравнению с 2001 г. составил 34%, и эта группа стала самой большой среди меньшинств Англии и Уэльса — 1 млн 400 тыс. человек (данные по демографии и идентичности: Park, Bryson, Clery, Curtice, Phillips 2013).

Иммигранты второго или третьего поколений отличаются социальной мобильностью и высоким уровнем образования, который выше среднего по стране (здесь прогноз В. И. Козлова не оправдался). Хотя представители этнических меньшинств характеризуются достаточным уровнем социальной включенности, в британском обществе также много проявлений дискриминации в отношении «небелого» населения страны, о которых писал В. И. Козлов в 1980-е годы.

Основная разделительная линия проходит между «белым большинством» и «небелым меньшинством». Внутри указанных групп распространены разные варианты сложных идентификаций. Так, в 2011 г. число белых жителей Англии и Уэльса, которые назвали себя «только британцами», составило 14%. Этот вариант идентичности среди этнических меньшинств приблизительно в три раза больше. Но в целом в 2011 г. число граждан, которые выбрали британскость как свою единственную идентичность или в комбинации с другими (шотландская, уэльская, английская или североирландская), достигло 29,1% (16,3 млн чел.). Предпочли называть себя «только англичанами» 60% белых респондентов Англии и Уэльса.

Более этнически гомогенной выглядит ситуация в Шотландии: в 2011 г. только 4% отнесли себя к тому или иному меньшинству, а 62% жителей Шотландии выбрали для себя шотландскую идентичность как единственную, и только 8% назвали себя британцами без всяких оговорок. Причем это представители более старших возрастов. В Шотландии явно идет процесс этнонациональной консолидации на основе концепта «белой» шотландской нации. В его основе как глубокие исторические обоснования, так и культурная отличительность. Не последнюю роль играют экономические соображения и опасения остаться без общеевропейских регуляторов «лицом к лицу» с английским большинством и растущим «цветным» меньшинством после выхода страны из Европейского союза.

Однако британская идентичность не теряет своей актуальности в Англии и Уэльсе. Здесь не только старшее поколение, но и люди трудоспособного возраста, а также молодежь выбирают именно ее при ответе на вопрос о национальности. Пожалуй, только для Уэльса характерна тенденция, при которой нынешние подростки и молодежь реже, чем их родители, называют себя британцами. В этом может сказываться введение курса валлийского языка в школьные программы, а также движения английских футбольных фанатов. И все же в Англии британскость выражена сильнее прежде всего по причине демографической ситуации: здесь сосредоточена большая доля граждан иммигрантского происхождения. Именно они преимущественно отождествляют себя с британской идентичностью.

Как мы уже отмечали, концепция британскости переживает то подъем, то падение интереса к ней со стороны политиков и рядовых граждан. В свое время еще правительство Т. Блэра объявило курс на создание «единой нации», в которой любой цвет кожи заслуживает уважения, а расизм — не приемлем. Большое внимание было уделено гражданству как инструменту обеспечения равенства и выработке дополнений к процедуре получения гражданства. Ставший премьер-министром Г. Браун, шотландец по происхождению, возродил идею британскости. Как он считал, «лучше справиться с глобальными переменами удастся тем странам... чьи народы сумеют объединиться и сформировать... единый и общий взгляд на цель, ради которой они готовы приносить жертвы, и на главные составляющие национального успеха» (*Brown 2006*).

За последние двадцать лет существенно выросло число британцев, которые отождествляют себя со «смешанной категорией». Как правило, этот выбор делают родивши-

еся в семье, где один из родителей принадлежит к этническому меньшинству. Именно представители этой группы чаще называют себя британцами. В свою очередь противники массовой иммиграции и мультикультурализма высказывают недовольство, что в результате роста групп «цветных» меньшинств происходит отток «белых» британцев из столицы и других городов. Уже сотни тысяч англичан переехали из мегаполисов в более однородные по этническому составу места. Обсуждается также падение уровня жизни «коренного населения», особенно англичан. Если еще в недавнем прошлом англичане находились в более привилегированных условиях по уровням образования и заработной платы, то сейчас малоимущие англичане не всегда могут рассчитывать на поддержку социальных служб, подобную той, которая оказывается иммигрантам (*Караваева 2016*).

Деволуция и ситуация с национализмом

Процесс деволуции не затронул собственно Англию, и эта часть островного государства формально не имеет своего правительства по сравнению с Шотландией, Северной Ирландией и Уэльсом. Среди англичан на фоне требований собственных парламентов и других автономных преференций возникают настроения, которые во многом напоминают настроения этнических русских в СССР, а сейчас и в России: «У всех есть своя государственность, а у нас ее нет». Обострение чувства английскости вызвали также последствия масштабной иммиграции. Укореняющиеся на территории Англии иммигранты развивали в себе исключительную британскую идентичность по сравнению с основным населением, для которого была больше характерна двойная или смешанная форма идентификации, а для большинства, как и в старые добрые времена, английскость и британскость понимались как синонимы.

Английский национализм имел место и до 1990-х гг., но он обычно не был направлен против политического единства трех частей страны и многие из его последователей обладали двойной, можно сказать, *англо-британской* идентичностью (*Липкин 2007; Kenny 2014; Kumar 2010; Condor, Gibson, Abell 2006; Young 2008*). Английский национализм имеет главным образом культурное содержание, но он в свою очередь содержит и регионально-исторические различия, своего рода модели идентичностей, одна из которых отсылает к образу «классической Англии». Только в самые последние годы английский национализм обрел более резкие формы, включая расистские и ксенофобские проявления. Он всячески поощрял процесс Брекзита после референдума о выходе из ЕС. Его основной опорой был и остается английский рабочий класс промышленных районов и обустроенный вековым укладом житель глубинки. Английский национализм носит зачастую ностальгический характер. Причем это ностальгия не столько по империи, сколько по временам, когда англичане были в центре национальной жизни страны (*Караваева 2016*).

Сейчас власть у тех, кто окончил университеты, кто занят в корпоративном бизнесе, в медиа и в образовательно-научной среде. Влиятельные позиции в стране у того меньшинства, кто считает «я — британец, а не англичанин», а не у того, кто считает «я — англичанин, а не британец». Таким образом, конфликт имеет место между истеблишментом (британские юнионисты типа Бориса Джонсона) и интересами собственно Англии, жители которой желают иметь больше власти и представительства, а также равенства по части квот, социальных служб, налоговых и социальных преференций. Недовольство вызывает наплыв иммигрантов, размыва-

ющих основанную на местных традициях английскость. Отсюда рождаются расистские установки: за последние годы число считающих, что англичанином может быть только белый, выросло до 10% населения Англии.

Именно по причине глубокой привязки к бывшему величию Британской империи английский национализм не может сегодня воплотиться в реальные политические проекты. Но, как считает один из британских авторов, нет никакой потребности и интереса в создании отдельного английского государства, когда англичане и без того являются основой Британской империи и Соединенного Королевства, а сама Великобритания выступает защитником интересов и свобод Англии. Отсюда вполне объяснимо, почему большинство англичан поддерживает *англо-британскую* конструкцию идентичностей: развитие британской культуры никогда не ущемляло интересов Англии, а правительство страны всегда учитывало интересы Англии. Таким образом, *многие англичане, как и русские в России, считают себя и воспринимаются другими как «имперская» нация» (в России в отношении русских используется также термин «государствообразующая» нация).*

Естественно, что все другие культуры, особенно иммигрантского происхождения, должны как бы соотноситься с сердцевинной культурой, а именно — английской. Но при всем при этом ни имперский вариант англо-британскости, ни вариант «малой Англии» не имеют шансов стать доминирующим политическим проектом современного нациестроительства. Именно *космополитичная идентичность — наиболее комфортная идентичность для сегодняшнего многоликого сообщества Англии.* Однако Д. Н. Караваева считает, что:

«Концепция космополитичной Англии является в той же мере утопией, как и все остальные, в первую очередь из-за того, что она может аккумулировать больше различий, чем способна усвоить, и больше сообществ, чем умений жить вместе. Наряду с открытостью по отношению к другим данная концепция невнимательна к собственно английскому населению и его культурным ценностям и традициям (поэтому существуют обширные группы «этнических» англичан, выступающих против такого рода культурной «косилки»)» (Караваева 2016: 109).

При таком расхождении мнений по поводу перспектив нациестроительства в Великобритании я в своей книге «Национальная идея России» (Тишков 2021) предпочел воздержаться от прогноза и занял нейтральную позицию среди возможных вариантов нациестроительства в этой стране. Но ситуация меняется быстрее, чем это можно было ожидать.

Национальная идентичность в Англии и Уэльсе

Ныне доступны данные прошедшей в 2021 г. английской переписи населения (в Северной Ирландии перепись прошла отдельно — в 2021 г., но в ней нет вопроса об этнической группе; в Шотландии — в 2022 г.). Все население Великобритании — 67 млн человек, из них в Англии проживает 84% населения, в Уэльсе — 4,7%, в Шотландии — 8,2%, Северной Ирландии — 2,8%. За 10 лет население Англии и Уэльса увеличилось примерно на 3,5 млн человек, причем 2,5 млн из новоприбывших родились за рубежом, а в целом каждый шестой житель Англии и Уэльса, по данным на 2021 год, родился за пределами Великобритании. Разобраться с идентификационной ситуацией населения этой основной части страны не так просто.

Нас интересует как люди восприняли вопрос № 14 о национальной идентичности, и какие получились данные. В 2021 г. 90,3% населения (53,8 млн) в Англии и Уэльсе указали по крайней мере одну из «домашних» национальных идентичностей Соединенного Королевства (английская, уэльская, шотландская, северно-ирландская, британская и корнуольская). По сравнению с 2011 г., имеет место небольшое уменьшение всей этой категории (было 92%). Зато в этой категории увеличилось число тех, кто указал двойную национальную идентификацию: одну из британских и одну их зарубежных (2%, 1,2 млн по сравнению с 0,9%, 492 тыс. в 2011). Тех, кто указал только одну из небританских идентичностей, насчитывается 9,7% (5,8 млн) по сравнению с 8% (4,5 млн) в 2011 г.

Более половины постоянных жителей (54,8%, 32,7 млн) выбрали исключительно британскую национальную идентичность, что составило прирост на 35,8% за десять лет: с 19,1% (10,7 млн) в 2011 г. Это отражает перемены в самосознании, но также возможно воздействие того обстоятельства, что в вопроснике в Англии *бритниш* заменил *инглиш* на первом месте. Противоположный тренд проявился в динамике исключительно английской национальной идентичности: здесь упадок на 42,8% с 57,7% (32,4 млн) в 2011 до 14,9% (8,9 млн) в 2021 г. При сложении числа людей, определивших свою национальную идентичность только как английскую или только как британскую, получается уменьшение таковых с 76,8% (43,0 млн) в 2011 г. до 69,7% (41,6 млн) в 2021 г.

В Уэльсе, где уэльская идентификация осталась первой в перечне опций в вопросе о национальной идентичности, число людей, выбравших единичную британскую идентичность также выросло с 16,9% (519 тыс.) в 2011 г. до 18,5% (574 тыс.) в 2021 г., но не так значительно, как в Англии. Это, разумеется, совпало с уменьшением числа тех, кто выбрал единичную уэльскую при определении своей национальной идентичности (55,2% или 1,7 млн в сравнении с 57,5% или 1,8 млн в 2011 г.). В Англии и Уэльсе вместе взятых доля тех, кто указал сразу обе, английскую и британскую, составила 13,6% (8,1 млн), в 2011 г. было 8,6% (4,9 млн).

Рассмотрим ситуацию с национальной идентификацией тех, кто связывает себя с зарубежными странами. Отметим, что число постоянных жителей с небританской национальной идентичностью выросло повсеместно. Всего 11,7% (7 млн) населения Англии и Уэльса определили свою идентичность в графе «Другая» (увеличение на 2 млн в сравнении с 2011 г.). Что это за жители Соединенного королевства, кто никак не связывает свою национальную идентификацию с какой-либо одной из «домашних» идентичностей даже в сочетании с зарубежной? Вот эти десять единичных идентификаций среди постоянных жителей Англии и Уэльса: польская (593 тыс.), румынская (477 тыс.), индийская (380 тыс.), ирландская (300 тыс.), итальянская (287 тыс.), португальская (237 тыс.), пакистанская (178 тыс.), испанская (177 тыс.), литовская (146 тыс.), французская (128 тыс.).

Здесь впечатляют данные по многочисленным восточно-европейцам (полякам и румынам), которые массово мигрировали в Великобританию в последние три десятилетия после краха в своих странах коммунистических режимов, но, видимо, они в большей степени сохраняют свое гражданство, связь с родиной и не особо ассимилируются в этнокультурном плане. Эти же установки, кстати, проявляются и в ответах на вопрос о принадлежности к этнической группе. Тем более, что в данном случае этническая и страновая (национальная) идентификации фактически совпадают. Может быть только часть румын в определении этничности могли назвать цы-

ганскую или рома, а среди поляков могли оказаться силезцы или кашубы. Но, кроме румынских цыган, это наверняка единичные случаи.

Подведем общие итоги с переписными результатами по национальной идентичности в Англии и Уэльсе. В Англии 88% (49,7 млн) обладают одной из идентичностей, связанных с «внутренними нациями» Соединенного Королевства; 2% (1,2 млн) имеют двойную национальную идентичность: одну из не британских вместе с одной из британских; 10% (5,6 млн) сообщили об исключительно зарубежной национальной идентичности. В Уэльсе 94,6% (2,9 млн) обладают одной или более одной из британских национальных идентичностей; 1,2% (37 тыс.) имеют не менее одной из британских и одну из зарубежных идентификаций; 4,2% (132 тыс.) имеют исключительно небританскую. Основной итог и вывод: *идентификационные качели за последние 10 лет явно качнулись в пользу британскости за счет английскости и в пользу иностранных форм национальной идентичности*. Оба результата — это воздействие массовой иммиграции последних десятилетий: сначала «цветных» меньшинств из бывших британских владений, затем — европейских, особенно поляков и румын после конца Варшавского блока государств. Но *в целом Англия и вся Великобритания остаются страной «белого» большинства, хотя это белое обрело много новых оттенков*. С этими оттенками белого и черного в категории «этническая группа» попробуем разобраться.

Этническая идентичность в Англии и Уэльсе

Перепись зафиксировала укрупненные этнорасовые группы (*белые, азиаты, черные, смешанные*) с вопросами детализирующего характера и без разграничения страновой и региональной принадлежностей. И вот что получается в итоге. В Англии и Уэльсе к категории первого уровня *белые* отнесли себя 48,7 млн (81,7%) по сравнению с 48,2 млн (86%) в предыдущей переписи 2011 г. Часть группы *белые* 44,4 млн (74,4%) идентифицировали себя как *англичане, уэльсцы (валлийцы), шотландцы, североирландцы или просто британцы*. В 2001 г. таких было 45,5 млн (87,5%) и в 2011 — 45,1 млн (80,5%). Это довольно заметное уменьшение (см. Табл. 1).

Таблица 1

Основные этнорасовые группы Англии и Уэльса, 2011 и 2021 гг.

Этническая группа	2011 (чел.)	2021 (чел.)	2011 (%)	2021 (%)
Азиаты, азиатобританцы или азиатоуэльсцы	4 213 531	5 515 420	7,5	9,3
Черные, черные британцы, черные уэльсцы, карибцы или африканцы	1 864 890	2 409 278	3,3	4,0
Смешанные или множественные этнические группы	1 224 400	1 717 976	2,2	2,9
Белые	48 209 395	48 699 249	86,0	81,7
Другая этническая группа	563 696	1 255 619	1,0	2,1

Вполне естественно, что за межпереписной период значительно увеличилось число и доля именно тех, кого в Соединенном Королевстве относят к группам этнических

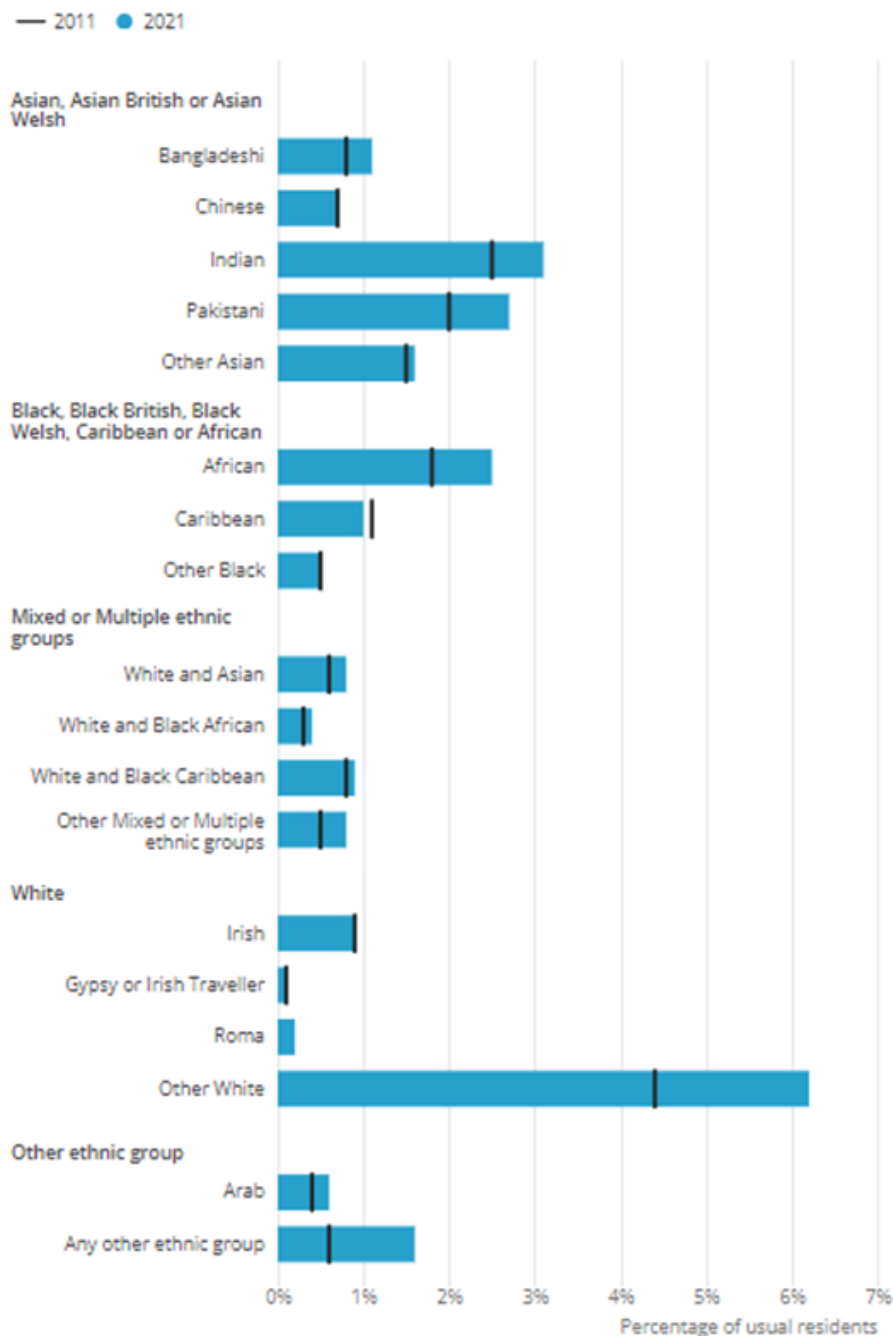

Рис. 1. Группы этнических меньшинств, 2011 и 2021 гг., Англия и Уэльс
 Источник: Office for National Statistics, Census 2021

Fig. 1. Ethnic minority groups, 2011 and 2021, England and Wales
 Source: Office for National Statistics, Census 2021

меньшинств. На Рисунке 1 приводится график перемен в процентах среди всех групп, кроме основных, автохтонных общностей (*Рис. 1*). Обращает внимание значительный рост *других белых*. Это как раз восточноевропейцы (поляки, румыны, русские, прибал-

ты и другие). Заметно возросла численность и доля африканцев. Как и в предыдущие десятилетия, продолжался рост индостанцев (индийцев, пакистанцев, бангладешцев),

В группе *белые: другие белые* самая большая группа это *белые: поляки* (614 тыс. или 1% населения) и *белые: румыны* (343 тыс. или 0,6%). Но выше мы указали, что в категории национальной идентичности поляков было 593 тыс. (на 21 тыс. меньше) и румын — 477 тыс. (на 134 тыс. больше). Что это за разница? Можно предположить, что небольшая часть поляков считают себя 100% британцами, но сохраняют свою этничность, и, наоборот, среди националов-румын есть значительная часть тех, что в этническом отношении относит себя к цыганам (рома). Но это только мои предположения.

В целом в группе *другие белые* в 2021 г. было зафиксировано 3,7 млн (6,2%). В 2011 г. таких было 2,5 млн (4,4%). Вот на эту подкатегорию и пришелся самый заметный рост численности среди всех 19 основных этнических групп. Именно в этой группе многие десятки (если не сотни!) вариантов записанных собственноручно этнических бэкграундов! Столь сильное увеличение специалисты частично объясняют предоставленной в 2021 г. возможностью выбирать нужную идентификацию из предлагаемого в онлайн-списка (т. н. search-as-you-type functionality), в котором в качестве подсказки перечислены 1411 категорий. Так что этот момент в номенклатуре и динамике численности этнорасовых групп вообще не имеет отношения к «процессам», а относится к факторам «процедуры». Хотя, возможно, что эта категория больше всех пополнялась не за счет иммиграции, а за счет роста межэтнических браков: в Англии и Уэльсе 10,1% (2,5 млн) домохозяйств (хаусхолдов) имели в своем составе представителей двух и более этнических групп. В 2011 г. таких было 8,7%.

В три раза выросла категория *другая этническая группа* — 924 тыс. (1,6%), в которой оказалось 77 тыс. сикхов, 76 тыс. — курдов и 76 тыс. назвали себя хиспаник или латиноамериканец. Но оказалось, что еще 23 тыс. показали себя как сикхи в категории первого уровня *азиатская, азиатско-британская, азиатско-уэльская*. В целом вся эта категория оказалась самой сложной для определения, соединяя в себе многие вместе или выборочно элементы культуры, идентичности, религии, языка, физического облика.

Следующая многочисленная категория первого уровня — это *азиатская, азиатско-британская* или *азиатско-уэльская* (без азиатско-английской, видимо, как маловероятной!). В 2021 г. 5,5 млн (9,3% от всего населения) отнесли себя к *азиатам, британским азиатам, азиатским уэльсцам*. В 2011 г. их было 4,2 млн (7,5%). Это наиболее заметное увеличение из всех этнических групп. К сложностям трактовки можно отнести фиксацию этнических групп среди жителей африканского происхождения, когда предлагаемая детализация не спускается ниже странового уровня. В результате получились довольно многочисленные этнические группы нигерийцев (271 тыс.), 151 тыс. сомалийцев, 113 тыс. ганцев, хотя прекрасно известно, что в этих африканских странах проживают десятки (а в Нигерии — сотни) этнических групп. В общем итоге, *по сравнению с 2011 г. в четыре раза снизилось число тех, кто определяет себя только как англичане (English), и в три раза увеличилось число тех, кто определяет себя только как британцы (British) (они составляют 55%), и в два раза увеличилось число тех, кто принимает обе идентичности*. Результаты переписи 2021 г. определенным образом отразили не только миграционные сдвиги и внутренние демографические процессы, но и мобилизацию со стороны политического класса и СМИ, которые пугали население ростом «английского национализма» и

агитировали за общеостровную самость в процессе выхода из Европейского союза. В итоге качели идентичности качнулись явно в сторону британскости.

Дебаты о сверхразнообразии и черная дыра этничности

Изложенная выше довольно запутанная практика категоризации населения Великобритании на основе культурных различий, сложные для восприятия и для научного анализа результаты переписной статистики, а также сама практика политики мультикультурализма, а затем «управления разнообразием» породили масштабную дискуссию вокруг концепта разнообразия, а точнее — *сверхразнообразия* (*super-diversity*), названного так по заглавию одной из статей в лондонском журнале «Этнические и расовые исследования». Автор, на тот момент профессор Оксфордского университета Стивен Вертовек, еще до переписи 2011 г. обратился к ситуации полиэтничного состава населения и к политике мультикультурализма в Великобритании как к новому вызову для специалистов по проблемам этничности и миграций. Приведу резюме этой знаменитой статьи:

«Многообразие в Британии уже не то, что было раньше. Около 30 лет государственная политика, практика социального обслуживания и общественное восприятие формировались на основе особого понимания иммиграции и мультикультурного разнообразия. То есть население Великобритании, состоящее из иммигрантов и этнических меньшинств, традиционно характеризуется большими, хорошо организованными афро-карибскими и южно-азиатскими сообществами граждан родом из стран Содружества или бывших колониальных территорий. Политические рамки и общественное понимание — и, действительно, многие области социальных наук — не поспевают за недавно возникшими демографическими и социальными моделями. Британию теперь можно охарактеризовать как «сверхразнообразие» — понятие, призванное подчеркнуть уровень и разновидность сложности, превосходящие все, с чем страна сталкивалась ранее. Такое положение отличается динамичным взаимодействием переменных факторов среди растущего числа новых, небольших и рассеянных иммигрантов множественного происхождения, имеющих транснациональные связи, социально-экономически дифференцированных и юридически стратифицированных иммигрантов, прибывших за последнее десятилетие» (*Vertovec 2007*).

Это высказывание породило «сверхразнообразную» реакцию специалистов, зачастую с искаженной трактовкой сути статьи, не говоря уже о предлагаемых крайне спорных рецептах. Спустя 12 лет, в 2019 г. С. Вертовек подготовил специальный выпуск того же самого журнала с обзором 325 публикаций по этой теме из разных дисциплин (*Vertovec 2019*). В итоге получилось сделать своего рода типологию того, как по-разному понимается сверхразнообразие и как разными специалистами формулируется научная повестка по этой теме. Для большинства — это всего лишь современный синоним обычного концепта разнообразия: было *мульти-*, *много-*, *поли-* (культур, наций, народов, конфессий и т. д.), стало очень много и не более того. Отсюда появился призыв еще детальнее разбираться с понятием этническое и его современными проявлениями. Но другие полагали, что само этническое есть некая ограничительная рамка для группировки сверхсложных конфигураций среди современных жителей культурно-сложных обществ. Для некоторых концепт сверхразноо-

бразия оказался призывом к более глобальной методологической переоценке в изучении социальных форм и их реконфигураций, что явно не входило в первоначальную задачу автора концепции. Для С. Вертовека в центре внимания были прежде всего миграционные явления с точки зрения состава, географии, коммуникаций, правовых статусов, профессиональных ориентаций и жизненных моделей мигрантов.

Из всей этой дискуссии вокруг сверхразнообразия можно вынести несколько стоящих суждений. Прежде всего это проблема содержания и границ, которые определяются термином «этничность», а отсюда — «этническая группа». Приведенное в начале статьи определение В. И. Козлова как один из вариантов поздней советской и ранней постсоветской этнографии даже для своего времени подходило больше для теоретических схем, а не для конкретных описаний в тех же самых справочных и монографических работах В. И. Козлова, С. А. Токарева, С. И. Брука и других специалистов. Ю. В. Бромлей конкретные случаи вообще не разбирал, а мой вопрос, к какому этносу он лично себя относит, остался без ответа. Тем более для современной науки фактически невозможно называть этнос общностью, *возникшей естественно-историческим путем*, а нацию — *наиболее развитым и наиболее значимым историческим типом этноса*.

В нынешней мировой ситуации этногруппами стали называть: статистики-демографы и миграционисты — этнорасовые сообщества; медики-генетики — расово-популяционные образования (см. прилагаемые к лекарствам листовки); политологи и социологи — мобилизованные культурно отличительные сообщества. Сам термин «этническая группа» зачастую становится синонимом меньшинств или миграционных групп и никак не основного населения той или иной страны (например, т. н. *этни* во Франции). Строго говоря, гетероглоссия ключевого дисциплинарного понятия была в науке изначально, но для хорошо организованной и идеологически дисциплинированной отечественной практики категория этноса была единственно допустимой. Попытки подвергнуть ее критическому сомнению воспринимались «теоретиками этноса» как покушение и как отмена самой науки этнологии (см.: *Крюков 2023*). Эта плохо объяснимая категория остается терпимой вплоть до сегодняшнего дня и даже в чем-то трудно разрушаемой, ибо ныне слово «этнос» уже попадает в словарь первых лиц российского государства и в тексты доктринальных документов. Как долго это может длиться — трудно сказать. Инерция старых научных прописей, охранительный пыл их последователей и порожденные этим верхушечные предписания и низовые убеждения могут быть определяющей силой не только в общественно-политическом дискурсе, но и в сфере научного знания.

Однако вернемся к дискуссии о разнообразии — концепте, который с начала XXI в. стал теснить понятие и практику мультикультурализма как себя не вполне оправдавшую. Сразу же скажем, что *следует различать мультикультурализм как реальную ситуацию культурно-сложных обществ (в России в ходу схожий термин «многонациональность») и мультикультурализм как политическую доктрину и практику общественного управления*. Первое (этнически сложный состав населения) свойственно подавляющему большинству государственных сообществ. Второе — принято далеко не во всех странах как в данных терминах, так и в схожем формате, как, например, внедряемый главой правительства Великобритании Д. Кэмероном «государственный мультикультурализм» (state multiculturalism), который, по словам В. С. Малахова, на самом деле «отражал скорее его собственное восприятие ситуации, чем осязаемые институциональные сдвиги» (*Ма-*

лахов 2023: 25). После открытого признания лидерами Германии, Великобритании и Франции в конце 2010 — начале 2011 г. провала политики мультикультурализма начался этап т. н. ассимиляционистского разворота или, как, например, в Великобритании, произошел переход к политике «социального единства» (social cohesion).

В итоге термин *мультикультурализм* стал своего рода табу в общественной жизни в последние два десятилетия, и в политико-управленческий процесс вошло понятие «разнообразия» вместе с сопутствующим концептом «интеграция». Термин мультикультурализм становится все менее употребим (*Vertovec* 2010; *Kymlicka* 2012; *Vertovec, Wessendorf* 2010), он перестал использоваться даже в тех странах, где были политика и правовые нормы с таким названием (например, в Канаде и Австралии). Среди специалистов также пошла речь об «отступлении мультикультурализма» (*Joppke* 2004), а затем и о «пост-мультикультурализме» (*Vertovec* 2010), хотя многое из этого опыта сохранилось, особенно на уровне местных, низовых политических практик.

Следует учесть, что мультикультурализм как политическая практика и как общественная теория существовал только в небольшом числе стран. Но сами идеи получили распространение и вошли в практику управления многих поликультурных сообществ (*Vertovec* 2010). Фактически из бывшего мультикультурализма возродился и концепт такой сложной национальной идентичности как *британскость*. Многие из этой прежней политики сохраняются и поддерживаются и в других странах Европы. И все-таки *разнообразие* обрело свою отличительность, а со временем и оно проявило свои негативные характеристики, вызвав дискуссии и политические дебаты. Прежде всего, как отметили некоторые ученые, новый подход на основе концепта «разнообразия» превращает давнее понятие «различия» (расовые, религиозные, этнические и другие) в «главным образом эстетическое, политически и морально нейтральное нечто» (*Eriksen* 2006: 16). Разнообразие делает упор на индивидуальные различия и все, что связано с «управлением разнообразием», сводится к признанию и поддержке именно индивидуального начала при игнорировании социально-групповых различий. Это затрудняет и даже отменяет взгляд на структурные причины неравенства на основе различий (*Ahmed, Swan* 2006; *Ahmed* 2007). Более того, самим пониманием разнообразия как некоей «мозаики» все существующие различия как бы помещаются в один равно положенный порядок и тем самым сглаживают различия и неравенства (*Swan* 2009). Весь дискурс о разнообразии не содержит призывов к переменам или к перераспределению ресурсов, он затушевывает историю социально-культурных антагонизмов и борьбы за равенство.

Современная практика управления культурными различиями отмечена двойственностью и внутренними противоречиями. Обычно управление разнообразием связано с императивом интеграции или «социального единства» (как, например, в Великобритании или схожая формула «единства и многообразия» в России). Сейчас многие лидеры и эксперты в странах ЕС настаивают на обязательности интеграции иммигрантов в национальные сообщества, а политикам предписывается создавать соответствующие механизмы для такой интеграции. Поиск более эффективной и безопасной для основного населения миграционной политики имеет место и в России. В более определенных формах реализуется призыв к укреплению национальной идентичности (британской — в Соединенном Королевстве, российской — в Российской Федерации). В чем-то имеет место даже возврат к прежним концептам ассимиляционизма (*Kaya* 2012; *Joppke* 2007). Так что современные суждения и лозунги о разнообразии не следует путать с почти умершим мультикультурализмом, ибо *сегодня на первое ме-*

сто выдвигается цель *формировать единое сообщество из культурно разнообразного населения*. И все же следует принять во внимание высказывание российского специалиста, что «перед нами скорее смена риторики, чем смена политики. Не говоря уже о том, что поворот к «ассимиляционизму» в XXI столетии — опция нереализуемая: слишком уж велики демографические и социокультурные трансформации, пережитые западными обществами под влиянием международных миграций» (Малахов 2023: 25).

Несмотря на коррекцию политики в пользу интеграции, многие считают концепцию «разнообразия» вызовом нации-государству, преградой национальному строительству. На наш взгляд, это ложный вызов, вытекающий из понимания нации и национализма как монокультурного феномена. Мы уже неоднократно писали, что современный концепт нации и нациестроительства основан на единственно возможной формуле полиэтничной гражданской нации и таковым с разной степенью успеха используется фактически всеми странами мира (Тишков 2021).

Как и мультикультурализм, разнообразие все же имеет тенденцию концентрировать внимание на этнических, религиозных и расовых различиях. Подобный подход зачастую *сверхэтнизует* социальные взаимоотношения, придавая порою этничности особую политическую значимость, как это, например, произошло в регионах Балкан и бывшего СССР. Как пишут авторы предисловия в сборнике статей по теме пост-мультикультурализма, «это особо касается ситуаций, когда редукционистская концепция разнообразия поддерживается статичным и иерархичным пониманием культуры и этничности. К сожалению, подобное существует в общественной жизни, несмотря на многолетние настояния и взгляды антропологов о плюралистичном, изменчивом и динамичном характере культуры» (Matejskova, Antonsic 2015: 19).

Эта статичная концепция культуры одна из причин почему, несмотря на общественное признание самого концепта разнообразия, политическим институтам и управленческим практикам не удается обрести более инклюзивный характер. Здесь действует система обстоятельств от истории и психологии до повседневных озабоченностей и фобий в отношении *другого*. В России также двойственный характер восприятия не только миграции, но и этнического многообразия сквозит в повседневной риторике политиков и управленцев, вплоть до вынужденных поправок-напоминаний со стороны Президента страны В. В. Путина (в качестве реакции на ксенофобские проявления) признавать и уважать российскую многонациональность и роль иммигрантов как одно из условий развития страны.

Современные исследователи в своих научных разработках и в рекомендациях к государственному управлению пытаются выйти из тупика концептуальных рамок разнообразия. Есть предложение диверсифицировать само понимание разнообразия прежде всего среди ученых. Нужно больше обращать внимание на межсекторальные взаимодействия социальных коллективов людей и на существующие в них реальные, а не лозунговые или навязанные идентификационные модели: кем они себя считают и с кем пребывают в фундаментальных отношениях. Я все больше убеждаюсь, что невозможно изучать и понимать вопросы разнообразия без внимания к социальным различиям и к повседневным поведенческим практикам т. н. межнациональных (межэтнических) отношений.

В нашей недавней статье о деконструкции переписей населения (Тишков 2023) мы уже задавали вопросы, почему жесткая конструкция этноса с его, якобы, уникальным набором характеристик и плохо проницаемыми групповыми границами никак не бьет-

ся с теми жизненными стратегиями и повседневным поведением, которые люди демонстрируют в страновом, местно-региональном, служебном и семейном окружении. Почему и когда в том или ином сообществе практикующее народоведческое натаскивание, начиная со школьных уроков про «дружбу народов», становится политической стратегией и даже личностной морально-психологической зависимостью. Где здесь традиция как передача информации о коллективных нормах и поведенческих образцах и где навязанное сочинителями историй и культурными активистами, разрабатываемыми образцы «народной» хореографии, фольклора, этномоды и т. п.

Трудно поверить, но однажды мой коллега, ныне покойный выдающийся археолог Рауф Магомедович Мунчаев сказал: «Когда мы учились в университете в Махачкале в 1950-е годы, мы даже не знали и особо не интересовались, кто какой национальности, а сейчас еще не знает, как зовут, но уже знает какой национальности человек, особенно его знакомый или сокурсник». И надо же такому случиться, что в момент написания этой заключительной части моей статьи по телевизионным новостям 30 марта 2024 г. сообщили, что на территории Республики Адыгеи археологи нашли артефакты 5-тысячелетней давности, и комментатор в окружении ученых сообщила всей нашей стране, что «черкесская (адыгская) культура древнее египетских пирамид»!

Несмотря на то, что антропологи и археологи не любят приделывать этнические корни древним культурным комплексам, националистическое искушение и инерция советской теории этногенеза зачастую оказываются сильнее. «Наши аланские, осетинские кости разбросаны по всему Кавказу, и это наша земля», — сказал мне в 1992 г. тогдашний президент Республики Северная Осетия (Алания) Ахсарбек Галазов, не согласившись с моим высказыванием, что право на землю (территорию) в стране путешествует вместе с ее гражданином. Выйдя на пенсию, Галазов поселился в районе Воробьевых гор, почти точно на том месте, где в деревне Воробьевка родилась моя супруга. На чьей земле была его нынешняя московская квартира — это было уже не так важно, как в 1992 году, когда в Северной Осетии назревал вооруженный конфликт с ингушской частью населения республики. Так все-таки, может быть права старая формула, что «культура имеет значение», но решающие факторы, определяющие частное и коллективное поведение, лежат в других плоскостях?

На мой взгляд, если не брать во внимание проявления избирательного этнического насилия и этнорасовой ксенофобии, именно *другие идентификации во времени и в пространстве всегда более значимы для того или иного субъекта по сравнению с этническими*. Об этом же пишет ряд антропологов в рамках настоящей дискуссии (Modood 2011; Olwig 2013; Titley, Lentin 2008; Uberoi, Modood 2012; Vasta 2007; Vertovec 2012; Zanoni et al. 2010). Видимо, «диверсификация разнообразия» должна включать также социально-экономический и политико-географический контексты, конкретное место нахождения субъектов-носителей культурных различий (каждое место тоже имеет свою культуру!). Пространственный аспект важен для выработки политики и рецептов управления культурной сложностью: будь это регион страны, место проживания и работы, школьное или институтское пространство, маршрут миграции и т. д. Именно в контексте отечественных социокультурных исследований В. С. Малахов отметил методологический тренд, обозначенный им «как движение от «сообществ» к «пространству», который «медленно, но верно пробивает себе дорогу в российской социальной науке вообще и в исследованиях миграций в частности» (Малахов 2023: 92).

Самый обещающий подход к изучению культурного разнообразия общества, включая его этнический ракурс, это взгляд на разнообразие как на гетерогенный феномен, в котором центральное место определяют не никем не установленные «генетические коды» или наследованные из прошлого духовно-нравственные ценности, а потребности выстраивания мирных и кооперативных отношений, обеспечивающие безопасность и развитие полиэтничной гражданской нации. *Гетерогенность и культурная сложность людских сообществ под единой суверенной властью в большей степени гарантирует их целость и солидарность, чем одержимость установлением и пестованием групповых различий, будь это этнические, расовые, языковые или религиозные.* Британские замеры в пользу множественной национальной и этнической идентичности, некоторые параллели с российским опытом дали достаточный материал для подобного заключения. Это не отмена этничности, которая в ее нынешних трактовках начинает напоминать некую черную дыру, в которой утопают многие и порою совсем разные сущности. Скорее, это ее новое видение, которое никак не могли предугадать увлеченные этносом наши предшественники. Но и для сегодняшних теоретиков-этнологов, и для практиков этнополитики на вопрос, что есть этничность, говоря словами Боба Дилана, «ответ веет в ветре». А посему наш разговор на эту тему будет иметь продолжение.

Источники и материалы

- Brown 2006 — Brown G. Speech to the Fabian New Year Conference, London 2006 / Gordon Brown (Labour) // British Political Speech [website]. <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=316>
- Census 2021 — Office for National Statistics, Census 2021 — Office for National Statistics, Census 2021 [https://Office for National Statistics \(ons.gov.uk\)](https://Office for National Statistics (ons.gov.uk))

Научная литература

- Берзина М. Я. Формирование этнического состава населения Канады. М.: Наука, 1971. 194 с.
- Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1986. 828 с.
- Караваева Д. Н. Английская идентичность и ее дискурс: Британия — Англия — Северная Англия. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2016. 301 с.
- Козлов В. И. Иммиграция и этнорасовые проблемы в Британии / Отв. ред. Ш. А. Богина; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1987. 204 с.
- Козлов В. И. Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика. М.: Старый сад, 1999. 341 с.
- Крюков М. В. Как хороши, как свежи были розы... // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 63–95.
- Липкин М. А. Двадцатый век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности // Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 122–142.
- Малахов В. С. Политика различий: культурный плюрализм и идентичность. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 188 с.
- Мамедова Л. К. Современный британский мультикультурализм как политический вызов // Культурная сложность современных наций / Под ред. В. А. Тишкова, Е. И. Филипповой. М.: РОССПЭН, 2016. С. 78–95.
- Тишков В. А. Национальная идея России. М.: АСТ, 2021. 413 с.
- Тишков В. А. О переписывании народов, или деконструкция переписей населения / Этнографическое обозрение. 2023. № 4. С. 183–211. <https://doi.org/10.31857/S0869541523040085>
- Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

- Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. В 2 т. СПб: София, 1991. Т. 1. С. 173–184.
- Ahmed S. The Language of Diversity // *Ethnic and Racial Studies*. 2007. Vol. 30 (2). P. 235–256.
- Ahmed S., Swan E. Introduction: Doing Diversity // *Policy Futures in Education*. 2006. Vol. 4 (2). P. 96–100.
- Colley L. *Britons. Forging the Nation. 1707–1837*. London: New Haven: Yale University Press, 1992. 413 p.
- Condor S., Gibson, S., Abell, J. English Identity and Ethnic Diversity in the Context of UK Constitutional Change // *Ethnicities*. 2006. Vol. 6 (2). P. 123–158. <https://doi.org/10.1177/1468796806063748>
- Eriksen T. H. Diversity Versus Difference: Neo-liberalism in the Minority Debate // *The Making and Unmaking of Difference* / ed. by R. Rottenburg, B. Schnepel, S. Shimada. Bielefeld: Trans-action. 2006. P. 13–36.
- Joppke C. The Retreat of Multiculturalism in the Liberal State: Theory and Policy // *British Journal of Sociology*. 2004. Vol. 55 (2). P. 237–257. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2004.00017.x>
- Joppke C. Transformation of Immigrant Integration // *World Politics*. 2007. No. 59. P. 243–273. <https://doi.org/10.1353/wp.2007.0022>
- Kaya A. *Islam, Migration and Integration*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. 249 p.
- Kenny M. *The Politics of English Nationhood*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 293 p.
- Kumar K. Negotiating English Identity: Englishness, Britishness and the Future of the United Kingdom // *Nations and Nationalism*. 2010. Vol. 16 (3). P. 469–487. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2010.00442.x>
- Kymlicka W. Comment on Meer and Modood // *Journal of Intercultural Studies*. 2012. Vol. 33 (2). P. 211–216. <https://doi.org/10.1080/07256868.2012.649528>
- Matejskova T., Antonsic M. (eds.). *Governing through Diversity: Migration Societies in Post-Multiculturalist Times*. London: Palgrave MacMillan, 2015. 213 p. <http://doi.org/10.1007/978-1-137-43825-6>
- Modood T. *Multiculturalism and Integration: Struggling with Confusions*. Florence, Italy: European University Institute Robert Schuman Centre for Advanced Studies, 2011. 12 p.
- Modood T. Post-immigration “Difference” and Integration. The Case of Muslims in Western Europe. London: The British Academy, 2012. 68 p.
- Olwig K. F. Notions and Practices of Difference: An Epilogue on the Ethnography of Diversity // *Identities*. 2013. Vol. 20 (4). P. 471–479. <https://doi.org/10.1080/1070289X.2013.822378>
- Park A., Bryson C., Clery E., Curtice J. and Phillips, M. (eds.). *British Social Attitudes: the 30th Report*. London: Palgrave Macmillan London: NatCen Social Research, 2013. 21 p. www.bsa-30.natcen.ac.uk
- Swan E. Commodity Diversity: Smiling faces as a Strategy of Containment. Organization. 2009. Vol. 17 (1). P. 77–100. <https://doi.org/10.1177/1350508409350043>
- Titley G., Lentin A. (eds.). *The Politics of Diversity in Europe*. Strasbourg: Council of Europe, 2008. 199 p.
- Uberoi V., Modood T. Inclusive Britishness: A Multiculturalist Advance // *Political Studies*. 2013. Vol. 61 (1). P. 23–41. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2012.00979.x>
- Vasta, E. From Ethnic Minorities to Ethnic Majority Policy: Multiculturalism and the Shift to Assimilationism in the Netherlands // *Ethnic and Racial Studies*. 2007. Vol. 30 (5). P. 713–740. <https://doi.org/10.1080/01419870701491770>
- Vertovec S. Super-Diversity and its Implications // *Ethnic and Racial Studies*. 2007. Vol. 30 (6). P. 1024–1054. <https://doi.org/10.1080/01419870701599465>
- Vertovec S. Towards Post-Multiculturalism? Changing Communities, Conditions and Contexts of Diversity // *International Social Science Journal*. 2010. Vol. 61 (199). P. 83–95. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2451.2010.01749.x>
- Vertovec S. “Diversity” and the Social Imaginary // *European Journal of Sociology*. 2012. Vol. 53 (3). P. 287–312. <https://doi.org/10.1017/S000397561200015X>
- Vertovec S. Talking around Super-diversity // *Ethnic and Racial Studies*. 2019. Vol. 42 (1). P. 125–139. <https://doi.org/10.1080/01419870.2017.1406128>
- Vertovec S., Wessendorf S. (eds.). *The Multiculturalism Backlash: European Discourses, Policies and Practices*. London: Routledge, 2010. 224 p.
- Young R.J.C. *The Idea of English Ethnicity*. Oxford: Blackwell Publishers. 2008. 274 p.

Zanoni P., Janssens M., Benschop Y., Nkomo S. M. Unpacking Diversity, Grasping Inequality: Rethinking Difference through Critical Perspectives. *Organization*. 2010. Vol. 17 (1). P. 9–29. <https://doi.org/10.1177/1350508409350344>

References

- Ahmed, S. 2007. The Language of Diversity. *Ethnic and Racial Studies* 30(2): 235–256.
- Ahmed, S., and E. Swan, 2006. Introduction: Doing Diversity. *Policy Futures in Education* 4(2): 96–100.
- Berzina, M. Ya. 1971. *Formirovanie etnicheskogo sostava naseleniia Kanady* [Formation of the Ethnic Composition of the Population of Canada]. Moscow: Nauka. 194 p.
- Brook, S. I. 1986. *Naselenie mira. Etnodemograficheskii spravochnik* [World Population. Ethnodemographic Reference Book]. Moscow: Nauka. 828 p.
- Colley, L. 1992. *Britons. Forging the Nation. 1707–1837*. London: New Haven: Yale University Press. 413 p.
- Condor, S., S. Gibson and J. Abell. 2006. English Identity and Ethnic Diversity in the Context of UK Constitutional Change. *Ethnicities* 6(2): 123–158. <https://doi.org/10.1177/1468796806063748>
- Eriksen, T. H. 2006. Diversity Versus Difference: Neo-liberalism in the Minority Debate. In *The Making and Unmaking of Difference*, ed. by R. Rottenburg, B. Schnepel, S. Shimada. Bielefeld: Transaction. 13–36.
- Fedotov, G. P. 1991. Budet li sushhestvovat' Rossiia? [Will Russia Exist?] In Fedotov G. P. *Sud'ba i grehi Rossii* [Fate and Sins of Russia]. In 2 vol. Saint Petersburg: Sofia. Vol. 1. P. 173–184.
- Joppke, C. 2004. The Retreat of Multiculturalism in the Liberal State: Theory and Policy. *British Journal of Sociology* 55(2): 237–257. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2004.00017.x>
- Joppke, C. 2007. Transformation of Immigrant Integration. *World Politics* 59: 243–273. <https://doi.org/10.1353/wp.2007.0022>
- Karavaeva, D. N. 2016. *Angliiskaia identichnost' i ee diskurs: Britaniia — Angliia — Severnaia Angliia* [English Identity and its Discourse: Britain — England — Northern England]. Ekaterinburg: Publishing house Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 301 p.
- Kaya, A. 2012. *Islam, Migration and Integration*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 249 p.
- Kenny, M. 2014. *The politics of English Nationhood*. Oxford: Oxford University Press. 293 p.
- Kozlov, V. I. 1987. Immigratsiia i etnorasovye problemy v Britanii [Immigration and Ethno-racial Problems in Britain], ed. by Sh. A. Bogina; Academy of Sciences of the USSR, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography. Moscow: Nauka. 204 p.
- Kozlov, V. I. 1999. *Jetnos. Nacija. Nacionalizm. Sushhnost' i problematika* [Ethnos. Nation. Nationalism. Essence and Problematics]. Moscow: Starii Sad. 341 p.
- Kryukov, M. V. 2023. Kak khoroshi, kak svezhi byli rozy... [How Beautiful, How Fresh the Roses Were...]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 63–95.
- Kumar, K. 2010. Negotiating English Identity: Englishness, Britishness and the future of the United Kingdom. *Nations and Nationalism* 16(3): 469–487. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2010.00442.x>
- Kymlicka, W. 2012. Comment on Meer and Modood. *Journal of Intercultural Studies* 33(2): 211–216. <https://doi.org/10.1080/07256868.2012.649528>
- Lipkin, M. A. 2007. Dvadsatyi vek po Grinвичu: Britaniia v poiskakh postimperskoi identichnosti [Twentieth Century According to Greenwich: Britain in Search of Post-Imperial Identity]. In *Natsionalizm v mirovoi istorii* [Nationalism in World History], ed. by V. A. Tishkov and V. A. Shnirelman. Moscow: Nauka. 122–142.
- Malakhov, V. S. 2023. *Politika razlichij: kul'turnyj pljuralizm i identichnost'* [The Politics of Difference: Cultural Pluralism and Identity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 188 p.
- Mamedova, L. K. 2016. Sovremennyi britanskii mul'tikul'turalizm kak politicheskii vyzov [Modern British Multiculturalism as a Political Challenge]. In *Kul'turnaia slozhnost' sovremennykh natsii* [Cultural Complexity of Modern Nations], ed. by V. A. Tishkov, E. I. Filippova. Moscow: ROSSPEN. 78–95.

- Matejskova, T. and M. Antonsic (eds.) 2015. *Governing through Diversity: Migration Societies in Post-Multiculturalist Times*. London: Palgrave MacMillan. 213 p. <http://doi.org/10.1007/978-1-137-43825-6>
- Modood, T. 2011. *Multiculturalism and Integration: Struggling with Confusions*. Florence, Italy: European University Institute Robert Schuman Centre for Advanced Studies. 12 p.
- Modood, T. 2012. *Post-immigration "Difference" and Integration. The case of Muslims in Western Europe*. London: The British Academy. 68 p.
- Olwig, K. F. 2013. Notions and Practices of Difference: An Epilogue on the Ethnography of Diversity. *Identities* 20(4): 471–479. <https://doi.org/10.1080/1070289X.2013.822378>
- Park, A., C. Bryson, E. Clery, J. Curtice, and M. Phillips (eds.). 2013. *British Social Attitudes: the 30th Report*. London: Palgrave Macmillan London: NatCen Social Research. 21 p. www.bsa-30.natcen.ac.uk
- Swan, E. 2009. Commodity Diversity: Smiling Faces as a Strategy of Containment. *Organization* 17(1): 77–100. <https://doi.org/10.1177/1350508409350043>
- Tishkov, V. A. 2021. *Natsional'naia ideia Rossii* [National Idea of Russia]. Moscow: AST. 413 p.
- Tishkov, V. A. 2023. O perepisyvanii narodov, ili dekonstruktsiia perepisei naseleniia [On the Rewriting of Peoples, or Deconstruction of Population Censuses]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 183–211.
- Tishkov, V. A. 2003. *Rekvjem po etnosu: Issledovaniia po social'no-kul'turnoj antropologii* [Requiem for Ethnos: Research in Social and Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka. 544 p.
- Titley, G. and A. Lentin (eds.) 2008. *The Politics of Diversity in Europe*. Strasbourg: Council of Europe Publishing. 199 p.
- Uberoi, V. and T. Modood. 2013. Inclusive Britishness: A Multiculturalist Advance. *Political Studies* 61(1): 23–41. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2012.00979.x>
- Vasta, E. 2007. From Ethnic Minorities to Ethnic Majority Policy: Multiculturalism and the Shift to Assimilationism in the Netherlands. *Ethnic and Racial Studies* 30(5): 713–740. <https://doi.org/10.1080/01419870701491770>
- Vertovec, S. 2007. Super-Diversity and its Implications. *Ethnic and Racial Studies* 30(6): 1024–1054. <https://doi.org/10.1080/01419870701599465>
- Vertovec, S. 2010. Towards Post-multiculturalism? Changing Communities, Conditions and Contexts of Diversity. *International Social Science Journal* 61(199): 83–95. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2451.2010.01749.x>
- Vertovec, S. 2012. “Diversity” and the Social Imaginary. *European Journal of Sociology* 53(3): 287–312. <https://doi.org/10.1017/S000397561200015X>
- Vertovec, S. 2019. Talking around Super-diversity. *Ethnic and Racial Studies* 42(1): 125–139. <https://doi.org/10.1080/01419870.2017.1406128>
- Vertovec, S. and S. Wessendorf (eds.). 2010. *The Multiculturalism Backlash: European Discourses, Policies and Practices*. London: Routledge. 224 p.
- Young, R. J. C. 2008. *The Idea of English Ethnicity*. Oxford: Blackwell Publishers. 274 p.
- Zanoni, P., M. Janssens, Y. Benschop, and S. M. Nkomo. 2010. Unpacking Diversity, Grasping Inequality: Rethinking Difference through Critical Perspectives. *Organization* 17(1): 9–29. <https://doi.org/10.1177/1350508409350344>